...Возвращаясь домой после беседы с Юрием Васильевичем Бондаревым, я открыла книгу, которую он мне подписал, – первый том из собрания сочинений. Книга моя, личная, и я ее, конечно же, читала. Перечитывать не хотелось: я знала, что, погружаясь в военную прозу, я буду сопереживать героям, сердце мое будет страдать.

Но дорога была долгой, утомительной, я открыла книгу и – уже не смогла оторваться. По правде говоря, я чуть не заплакала – столько в этой прозе было мысли, художественности, красоты!

И это высокое состояние – состояние духовного праздника – не покидало меня и на следующий день.

Ну а теперь – наша беседа. С автором романов и повестей «Батальоны просят огня», «Тишина», «Горячий снег», «Берег», «Последние залпы»...

Ю.Б.: Я был уличный мальчишка, но наше поколение – 1922 – 1924 гг. – было воспитано на литературе. Да, мы гоняли голубей, даже воровали их друг у друга, устраивали драки, соблюдая закон Замоскворечья – никогда не обижать слабых! Несколько раз я свою команду водил в соседний район, чтобы защитить тех, кого несправедливо обижали.

Мы читали Джека Лондона, для нас его герои становились такими же образцами, как Павка Корчагин. Очень популярна была книга «Макар-следопыт», которую написал Лев Остроумов. Роман его замечательно действовал на тогдашних ребят. Книга воспитывала смелость, решительность, товарищество, учила защищать слабых.

И воевал я вместе с солдатами, которые были хорошо грамотными. Все они пришли на фронт из деревень, иногда из дальних концов России, но с ними можно было поговорить обо всем: о Пушкине, о Есенине, о Петре Первом, о нашей жизни вообще. Грамотные были солдаты! Культура человека проявляется не в том, употребляет ли он слова «отнюдь» и «весьма», знает или не знает французский язык. Есть культура внутренняя, идущая от духа, от сердца, от предков, от всего рода наших матерей, отцов и дедов. У поколения 20-х годов она была, к счастью.

Я окончил десятилетку и, конечно, был неплохо образован – школа тогда давала широкие знания. Властвовала особая, убежденная, одержимая атмосфера знания в обществе. Учителя, преподаватели несли знания молодым поколениям, они видели в этом цель жизни. К своим школьным учителям я до сих пор испытываю высокое чувство благодарности и любви.

Посмотрите, как относились к литературе до войны, во время войны верхние этажи власти. Первый человек в государстве отдавал все личные деньги в фонд премии. Он находил время, чтобы читать произведения современников и лично участвовал в заседаниях премиальной комиссии.

Л.С.: После войны вы учились в Литературном институте...

Ю.Б.: У нас были замечательные преподаватели! Лекции читали Реформатский, Дынник, Слонимский, Шамбинаго, все препо-

даватели были знаменитостями в науке. Мы прекрасно знали древнерусскую литературу, которую вел профессор Шамбинаго. Сергей Константинович наизусть читал нам страницы из летописей. А экзамены принимал так: «Приходите ко мне домой». Мы собирались в его квартире. «А кто из вас пьет пиво?» Разумеется, мы отвечали, что все – молодые, крепкие ребята, войну прошли. «Тогда разрешаю для бодрости по стаканчику. И – ко мне в кабинет». Дальше он спрашивал: «Есть какие-нибудь вопросы по моему предмету? Лекции вас удовлетворяют?» – «Очень!» – «Давайте зачетки».

Эта церемония – не игра, не баловство, он читал так, что мы действительно знали предмет, и проверять нас не было смысла. Мы помнили все и на лекциях сидели с полным вниманием.

Когда я делал первые шаги в литературе, было любовно-пристальное внимание к начинающим писателям. Какое шефство надо мной взял Паустовский! Я до сих пор его обожествляю. С каким вниманием он читал каждую мою строчку, а когда вышел роман «Тишина», прохладно встреченный официальной критикой, потому что впервые было сказано о репрессиях, Константин Георгиевич выступил с прекрасной статьей в «Правде», где оценил это произведение. И такое отношение касалось не только меня – внимание Паустовского проявлялось к талантливым молодым писателям; вспоминаю Юрия Казакова с его лирическими рассказами, Бориса Балтера с его повестью «До свидания, мальчики!». Была общая любовь к слову, к литературе, к просвещению. Это витало в воздухе – мы хотели стать лучше! Мы хотели духовно быть лучше, совершеннее!

Л.С.: Что же произошло? Почему, на ваш взгляд, военная литература вашего поколения, я имею в виду произведения Константина Воробьева, Ивана Акулова, Евгения Носова – можно еще ряд имен назвать, отодвинута сегодня в сторону в общественном сознании? Почему на эти имена не опираются в школе, в вузе? Почему художественное слово – честное, правдивое и красивое – сегодня не востребовано?

Ю.Б.: Много лет мои вещи были включены в учебную программу. Мы шли недавно с женой по центру Москвы, ко мне подбегает незнакомая женщина: «Юрий Васильевич, это вы? Мы же на вашей литературе воспитывались!» Теперь мои произведения перешли в разряд «внеклассного чтения».

Но изучают Солженицына, он в школьной программе. Не знаю, как наши дети справляются с его текстом, потому что непросто юному читателю пробираться сквозь заросли придуманных слов, изобретенных выражений, вчитываться во все это – труднейшая работа. Солженицын извращает русский язык, великую любовь к изящной словесности. Литература – изящная словесность. Духовная красота, которая делает человека человеком.

Почему наше прежнее образование было действенным? Потому что была замечательная литература – изучали и Горького, и Шолохова, и Фадеева. Любовь к словесности дала нам поколения просвещенных людей. Просвещение шло от преподавателя, от учителя, но главным образом оно рождается от текста, от

духовного соединения с литературой. Самые просвещенные люди – те, кто много читает. Они хорошо чувствуют и знают слово. Слово – одежда мысли, одежда нравственного человеческого состояния. Слово – это жизнь, любовь, мужество, борьба. Слово вбирает в себя все конфликты бытия.

Мы станем самым передовым обществом, если просвещение будет стоять на главном месте. И экономика наша, в конце концов, зависит от этого. Сейчас образование занимает в умах власть имущих не судьбоносное место. И поэтому зарплата учителей низкая, и бытовые условия не удовлетворительные, а когда-то учителям давали бесплатные квартиры, получали они хорошие деньги, жили безбедно.

Но кто сейчас серьезно говорит о духовности, о морали, о добродетели?! Говорят иное: нет идеи. Разве нет? Да тысячи идей вокруг нас! «Должна быть русская идея». Но русская идея была всегда! Если живут на земле русские, значит, есть и идея. И идея любой другой национальности – тоже. Идея: добро, справедливость, любовь, добродетель, помощь ближнему, защита слабого, познания самого себя и рычагов движения мира... Боже мой, сколько идей! Разве их нет?! Это говорят темные люди.

Именно потому, что просвещение не стоит на первом месте, писатели фронтового поколения оттеснены от школьных и вузовских программ. Зато есть Солженицын, который утверждал, что мы проиграли войну, а Виктор Астафьев убеждал, что мы победили «мясом», а Борис Васильев заявлял, что мы забросали немцев трупами. Человек, преисполненный к своей земле недобрым чувством, никогда не может испытывать счастья. И в могилу ложится с таким же чувством незавершенной злости.

Но есть и равнодушные люди. Может быть, равнодушие к просветительству – и есть ответ на ваш вопрос.

Л.С.: Мне очень нравится фильм «Тишина», который сняли по вашему роману, не знаю, нравится ли он вам...

Ю.Б.: Очень нравится...

Л.С.: Смотрите ли вы кинопостановки о войне по сценариям современных авторов и какое впечатление они у вас вызывают?

Ю.Б.: Я отвечу коротко, врачи мне прописали не волноваться. Поэтому не буду ругаться, меня долго воспитывали: не говори то, что может ввести в ярость твоих недругов. Сейчас нет того кинематографа о войне, который был до войны и после. Он исчез с поры перестройки. Начались бесконечные сериалы – я ни одного не досмотрел до конца, пусть простят меня их создатели. Видел какие-то отрывочки соломенного свойства. Правда, я не смотрел «Брестскую крепость» – этот фильм мне рекомендовали, даже хвалили его.

Я был очень связан с кино: экранизированы «Берег», «Горячий снег», «Последние залпы», «Тишина». А над фильмом «Освобождение», который посмотрели 350 млн человек, мы работали с режиссером Юрием Озеровым 5 лет – больше, чем длилась война. С ним было приятно общаться – он очень талантлив, умница и неустанный в работе.

Сегодняшнее телевидение – это сплошной пиф-паф и демонстрация всех человеческих качеств ниже пояса. А раньше мы, писатели, думали, что телевидение будет домом для ли-

тературы. Но сейчас там нет настоящего искусства, ибо современная истинная литература – на вес золота.

Зато в стране огромное число детских самоубийств. И никаких объяснений: что за трагедия происходит с народом с нашим, с детьми?

Л.С.: На ваш взгляд, окружающий мир стал дружелюбней со времен великой войны? Страны, армии, народы – они чему-то научились?

Ю.Б.: Стали ли другими люди после великих событий? Думаю, да. Многое, что делает человека человеком, было утрачено. Сейчас на смену сердечному чувству пришла хрустящая бумажка, которая заменила очень многое в отношениях людей. В том числе и десять великих заповедей, которые до сих пор злободневны.

Люди стали равнодушнее относиться друг к другу. Этого не было раньше! Чувство человеческой солидарности снизилось.

Меня отец учил так: первый не лезь никогда, но если тебя обидели, засучивай рукава. Вот эта мужицкая, мужская позиция сейчас исчезла. Много ушло мужского начала.

Характер народа, пожалуй, в чем-то изменила эта хрустящая и шуршащая в кармане бумажка. Деньги – главное. И дети это чувствуют.

Я, конечно, не думаю, что все для нас кончено и что все останется как есть. Движение вперед неизбежно. Посмотрим! Должно быть больше света и тепла. Это необходимо человечеству, а не оскаленные зубы и засученные рукава. Хотя некоторые «теоретики», а их развелось черти сколько, считают, что нужны великие потрясения для обретения счастья. Что ж, потрясения нужны, но не великие. Их было у нас достаточно.

Л.С.: Ваши книги широко представлены в Интернете. Что бы вы хотели сказать своим новым читателям?

Ю.Б.: Мне хотелось бы, чтобы читатели узнали в моих книгах не только о нашей действительности, о современном мире, но и о самих себе. Это главное, когда человек узнает в книге нечто близкое ему, через что он сам проходил или через что хочет пройти.

У меня много писем от читателей. Однажды мне сообщили, что после прочтения моих книг несколько молодых людей стали военными, офицерами, выбрали себе этот жизненный путь. Это очень дорого, когда книга воздействует на психологию, значит, ее герои вошли в жизнь. Это мне очень дорого и не имеет отношения к нехорошему чувству самодовольства. Это – другое: недаром работал, жил, понимаете?! И недаром воевал, прошел через огонь, остался жив... Я заплатил войне легкой данью – тремя ранениями. Но многие заплатили жизнью! Будем же помнить об этом. Всегда. ■